

© 2024

УДК: 330.357.

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополь

(г. Севастополь, Российская Федерация)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

«ПАРАДОКС БЕРЕЖЛИВОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МЕХАНИЗМ ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ИНСТРУМЕНТАМИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье обоснованы суть «парадокса бережливости», причины его проявления в ряде зарубежных стран и современной России; автор подчеркивает избыточную подходящую дифференциацию населения, недостаточность социальных гарантий и стремление финансовых властей наращивать суверенные фонды в условиях неполной занятости. Классическая связь категорий (сбережения – инвестиции – рост ВВП) противопоставляется кейнсианской (потребление – рост ВВП – инвестиции) и доказывается несравненно большая применимость последней в нашей стране в современных условиях. Раскрывается эволюция доли сбережений в российском национальном продукте за последние три десятилетия с указанием факторов, ее детерминирующих. Доказывается необходимость динамической оптимизации соотношения между потреблением и сбережением для ускорения роста российской экономики. При обосновании способов нейтрализации «парадокса бережливости» основной упор делается на повышение результативности государственной социальной политики посредством решительного перехода от категориального принципа ее формирования к принципу адресности.

Ключевые слова: потребление, сбережения, валовое накопление, валовые национальные сбережения, «парадокс бережливости», государственная социальная политика.

DOI: 10.31857/S0207367624060022, EDN: bxjild

Одной из ведущих макродиспропорций в российской экономике, свидетельствующей об ее объективно неравновесном характере, выступает хроническое превышение валовыми национальными сбережениями объема валового накопления, которое закономерно ввергает национальное хозяйство в состояние многолетнего инвестиционного кризиса. Наличие разрыва между этими индикаторами конъюнктуры, доходившего в последние десятилетия порой даже до чудовищной отметки в 8–12% ВВП, означает, что немалая доля создаваемого национального продукта не используется внутри нашей страны ни на потребление, ни на накопление, выступая незадействованным резервом ее экономического роста. Получается, что, располагая немалым потенциалом сбережений, отечественная экономика в течение значительного периода времени наглядно демонстрирует свою неспособность превратить их в результативные капиталовложения. И одной из ведущих причин подобного неравновесия выступает, в нашем понимании, избыточная бережливость экономических субъектов, существенно превышающая стремление компаний инвестировать.

Надо признать, что представители классической школы ничего особо опасного в подобной бережливости не усматривают. Более того, такое поведение

всех хозяйственных субъектов всемерно поощряется, поскольку сбережения однозначно расцениваются в качестве финансовых источников инвестиций. К тому же в экономике закрытого типа совокупные объемы обоих этих индикаторов экономической конъюнктуры неизменно приближаются друг к другу. В случае же временного подрыва равновесия между ними в процесс выравнивания включается быстро меняющаяся процентная ставка, которая оперативно обеспечивает восстановление нарушенного относительного баланса, причем, что крайне важно, без выхода национального хозяйства из состояния полной занятости производственных ресурсов. В данной ситуации всплеск сберегательной активности домохозяйств, корпораций и государства, по сути, гарантирует инвестиционный бум и стремительное наращивание национального продукта. Так, А. Смит в свое время утверждал, что наращивание сбережений создает некий фонд, который поддерживает и расширяет производительные силы страны. Развивая данное классическое положение, нобелевский лауреат Ф. фон Хайек рассматривал сбережения в качестве надежного залога предстоящего хозяйственного прогресса: откладывая сегодня, экономические агенты гарантируют благоприятные для них условия на завтра.

Однако, по мнению кейнсианцев, процентная ставка лишена способности к достижению сбалансированности сбережений и инвестиций. Если ее уровень действительно во многом детерминирует объем инвестиций, то на объем сбережений решающее влияние оказывает вовсе не процент, а располагаемый доход. Воздействие на сбережения и инвестиции различных факторов предопределяет в качестве типичного случая их количественное несоответствие друг другу, неизбежность выхода национальной экономики из состояния полной занятости в ту или иную сторону и, как результат, регулярное обострение в ней проблем безработицы или инфляции. В кейнсианской концепции параллельное наращивание сбережений и инвестиций возможно только при повышательной конъюнктуре, когда значительная бережливость (особенно при приближении к пику цикла) позволяет затормозить инфляционный процесс, что становится немаловажным фактором расширения инвестиционной активности компаний в долгосрочной перспективе.

Известно, что во второй половине XX в. одним из явных мировых лидеров по уровню сберегательной активности выступала Япония, что действительно явилось значимой причиной «экономического чуда» в этой азиатской стране и проявившегося здесь подлинного инвестиционного бума. Однако начиная с 1992 г. в пропорции между потреблением и сбережением обозначился резкий разворот, и сбережения кардинальным образом сократились в связи со стагнацией экономики и, соответственно, замедлением динамики реальных доходов населения (в 1992–2001 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП не превышали здесь 1%), заметным ускорением ценоповышательных процессов, отрицательными реальными процентными ставками по депозитам, улучшением состояния пенсионной системы, заметно ослабившей мотивацию к созданию личных накоплений на «черный день» и главное – кардинальным изменением мировосприятия граждан, которые все более предпочитали жить сегодняшним днем, не заглядывая слишком далеко вперед. И если в 2013 г., например, французские домохозяйства

имели норму сбережений на уровне 9,49%, немецкие – 9,08%, итальянские – 3,76% (а российские и вовсе 14,1%, не говоря уже о китайских, которые в 2012 г. сберегали 40,7% располагаемого денежного дохода), то японские – минус 0,05% [23. С. 151]. Как результат, прежний девиз «сбережения – это благо» ушел в тень, что повлекло за собой существенный спад инвестиционной активности компаний, которые представляют экономику этого «дряхлеющего дракона».

Однако при понижательной конъюнктуре динамика сбережений и инвестиций вполне может оказаться разнонаправленной. На данной стадии цикла в стране может наблюдаться настоящий всплеск бережливости. Так, наемные работники в этот кризисный период могут всерьез опасаться массовых увольнений, а покупатели будут стремиться приобретать товары, например жилье, лишь после их существенного удешевления. В подобной ситуации многие домохозяйства (а также фирмы и государственные структуры) начинают сознательно демонстрировать переход на отчетливо кризисную модель потребления, составными элементами которой выступают всемерное урезание своих текущих расходов, покупка товаров исключительно со скидками во имя максимального наращивания спасительных в столь нестабильной среде сбережений. Избыточная бережливость становится социальным злом, неким «главным злодеем» именно в обстановке рецессии, когда в стране и без того ощущается острый дефицит потребительского и инвестиционного спроса. В условиях кризисной неопределенности чрезмерные сбережения превращаются в дополнительный фактор экономического спада в связи с действием так называемого «парадокса бережливости».

Обоснованный кейнсианской теорией, этот парадокс состоит в том, что попытки общества слишком много сберегать не делают его богаче. Чем больше домохозяйства, фирмы и государство откладывают на «черный день», тем быстрее он настает. Чрезмерно сберегая в настоящее время, страна лишает себя будущих сбережений. Ведь каждый сбереженный рубль – это неизрасходованный рубль, не направленный на приобретение ни потребительских, ни инвестиционных, например жилья, благ. А потому он не превращается в доход какого-то производителя товаров и услуг. Поставленная им на рынок продукция не находит своего покупателя, из-за сокращения потребительского спроса происходит накопление товарных запасов. Общенациональная бережливость и рост совокупных накоплений влекут за собой спад активности покупателей, который рано или поздно побуждает торговые фирмы меньше заказывать продукции у производителей, что оборачивается банкротством множества предприятий, падением их инвестиций, нарастанием безработицы, снижением заработной платы. В ходе сжатия ВВП и, соответственно, располагаемого дохода уменьшается не только потребление домохозяйств, но и в еще большей степени их новые сбережения. Более того, при сокращении текущих доходов люди не только прекращают осуществлять дополнительные накопления, но и вынуждаются к активной трате своих сбережений предшествующего периода. В конце концов завышенная норма личных сбережений приводит к тому, что население в целом становится не богаче, а беднее, обрекая себя на серьезное сокращение активов.

Согласно так называемой «дилемме заключенного», обоснованной в теории игр, каждый игрок всегда стремится максимизировать свой собственный выигрыш,

совершенно не заботясь о выигрыше других. И в результате безусловного доминирования эгоизма над сотрудничеством каждый сберегающий субъект заведомо не станет отказываться от сбережений сегодня во имя не только абстрактных общественных, но даже своих долгосрочных частных интересов. Получается, что сбережения могут выступать одновременно и безусловным благом для отдельного человека, и явным злом для общества в целом – в случае, если они расширяются в кризисный период, когда в стране ощущается острый дефицит совокупных расходов: становясь избыточными, такие сбережения стремительно приближают наступление экономического кризиса. Так что термин «парадокс бережливости» характеризует поистине парадоксальные результаты пагубного стремления экономических субъектов в кризисный период неуклонно наращивать собственные сбережения, что в конце концов влечет за собой неминуемое сокращение последних. На этом основании Дж. Кейнс решительно выступал против того проявления британской морали, которое сформировалось в долгий период правления королевы Виктории (1837–1901). В рамках нее всемерная бережливость расценивалась в качестве не только безусловной добродетели, но и надежного залога дальнейшего процветания нации, что на деле бывает далеко не всегда. Во времена Великой депрессии он неоднократно обращался к лондонским женщинам, посещавшим магазины, с предложением приобрести себе новое платье, для того чтобы их мужья смогли, наконец, найти для себя рабочее место.

«Парадокс бережливости» действует слабее в случае, если чрезмерные сбережения и, напротив, малое потребление уменьшают спрос на приходящие в страну импортные товары (например китайские) и значительно сильнее, если сжатие совокупных расходов негативно сказывается на объеме реализации отечественной продукции. Рассматриваемый парадокс обычно проявляется в развитых странах из-за закономерного наращивания склонности к сбережению по мере увеличения доходов, падения спроса в результате уже достигнутого удовлетворения первоочередных потребностей. К тому же в последние десятилетия сформировалось целое поколение довольно молодых людей, решительно отказывающихся от покупок многих материальных благ в интересах наращивания сбережений. В то время как старшее поколение, сформировавшее свой стиль потребления в обстановке бурного глобального роста, по сей день не выражает желания отказываться от реализации своих многообразных потребностей (и именно на них делают сегодня главную ставку представители рекламного бизнеса), многие представители молодежи, напротив, предпочитают проживать в переполненных общежитиях или съемном жилье, воздерживаться от создания семей и приобретения дорогостоящих автомобилей и при этом наращивать сбережения в банках, питаясь фаст-фудом, даже несмотря на нередко отрицательные реальные процентные ставки по депозитам. Их неуверенность в сколько-нибудь заметном росте своих доходов в обозримой перспективе, в обретении и последующем сохранении рабочих мест, в финансовых возможностях пенсионного обеспечения в будущем закономерно увеличивает их склонность к сбережению. Тем самым увеличивается угроза попадания многих западных стран в дефляционную ловушку, для которой характерна усиливающаяся комбинация откровенно стагнирующей экономики и неуклонного снижения общего уровня цен.

Но можно ли сделать вывод, что «парадоксу бережливости» подвержены только государства «золотого миллиарда»? Думается, что едва ли. Некий «парадокс в квадрате» состоит в чрезмерном сбережении жителей и гораздо менее богатых стран. Известно, что чрезмерная доля частных сбережений в ВВП Китая, помимо сложившегося менталитета, долгие годы объяснялась вполне обоснованным опасением домохозяйств оказаться в состоянии нищеты из-за предусмотренных государством явно недостаточных социальных гарантий — в условиях, когда неуклонно росли цены на жилье, основная часть медицинских и образовательных услуг предоставлялась на платной основе, способность обеспечить безбедную старость оказывалась под большим вопросом. В КНР как стране с бурно растущим населением действие «парадокса бережливости» усиливалось и растущим демографическим дисбалансом. Проводимая здесь с 1980—1990-х годов «политика одного ребенка» привела к резкому нарушению соотношения полов, когда на 100 девочек приходилось 120—125 мальчиков, что побуждало многие семьи чуть ли не с самого момента рождения сына копить средства для успешного заключения брака. Поведение российских домохозяйств в последние годы тоже никак не вписывается в закономерности кейнсианской функции сбережения. В периоды роста национальной экономики они склонны наращивать свои потребительские расходы, причем зачастую темпами, даже опережающими прирост доходов (за счет стремительного расширения банковских кредитов и накопления задолженности). Так, явно завышенная потребительская активность была характерна для россиян накануне кризисов 2008 и 2014 г., когда опасения скачка цен и, соответственно, обесценения сбережений толкали их на спешное приобретение как нужных, так и ненужных товаров.

Некоторый рост продаж потребительских товаров наблюдается и в 2023—2024 гг. в результате роста номинальных (и отчасти реальных) доходов граждан под воздействием всплеска государственных расходов на реализацию гособоронзаказа, повышение зарплаток работников оборонных и связанных с ними предприятий, выплату денежного довольствия военнослужащим, занятым в Специальной военной операции, возведение фортификационных сооружений компаниями строительного сектора и др. Эти бюджетные средства повышают совокупный спрос, в том числе через инструменты ипотечного и потребительского кредитования.

При углублении кризисных явлений (как это случилось в 2009 и 2015 г.) наши сограждане из предосторожности резко переходили к тактике накопления наличных денег и расширения банковских депозитов, хотя именно в такие периоды подобная бережливость наиболее пагубно влияла на макроэкономическую ситуацию и препятствовала преодолению очередной рецессии. Как отмечают И.С. Букина и В.Е. Маневич, «в 2015 г. снижение доходов побудило домохозяйства меньше потреблять и больше сберегать» [4. С. 6]. Ситуация, обозначаемая понятием «парадокс бережливости», особо усложнилась в постсанкционной России, чьи граждане в значительной мере выступают сознательными приверженцами именно сберегательной модели своего поведения в обстановке стремительно нарастающей в мире геополитической напряженности. Конечно, сбережения свойственны сегодня далеко не всем, а лишь примерно 42% россиян. Как отмечают Е.М. Аврамова и В.Н. Титов, «более благоприятные условия в этом плане у супружеских пар без детей, а также многопоколенных домохозяйств с полной

семьей среднего поколения. Наименьшие шансы обладать таким “запасом прочности” у неполных семей» [1. С. 79]. Тем не менее продление на 2024 г. обозначившегося ныне восстановительного роста отечественной экономики немислимо без перехода от сберегательной концепции к потребительской, гарантирующей неуклонное нарастание агрегированного спроса и улучшение на этой основе инвестиционного климата в стране. В подобной ситуации нобелевский лауреат П. Кругман настойчиво отстаивает кейнсианский тезис «Экономить следует во время бума, а не спада» [14. С. 86]. И если это правило нарушается, то во избежание крупного сжатия совокупных расходов бюджетно-налоговая экспансия властей должна (даже ценой нарастания циклического бюджетного дефицита) перекрыть «парадокс бережливости», проявляющийся в излишне экономном поведении российских домохозяйств в условиях высокой степени неопределенности будущего и многолетней стагнации благосостояния у значительной их части (в результате чего реальные доходы россиян в 2022 г., по разным оценкам, оказались на 6,5–8% ниже, чем в 2013 г.).

Важнейшими причинами действия «парадокса бережливости» в России, на наш взгляд, являются:

1) невысокий, по меркам развитых стран, уровень социальных гарантий населения. Большинство россиян вовсе не убеждены в том, что в случае тяжелого заболевания они смогут оплатить свое лечение; при необходимости получить профессиональное образование – добиться его бюджетного финансирования; после вступления своих детей в брак – оформить ипотечный кредит и обеспечивать всей семьей его своевременное погашение, а при наступлении пенсионного возраста – безбедно проживать на правительственные трансферты. Нарастающая скорость технологических перемен, связанная прежде всего с развитием цифровой экономики и развертыванием искусственного интеллекта, усиливает неопределенность даже ближайшего будущего граждан, в котором многие из них вполне могут утратить рабочее место. Немало пессимизма в социально-экономических прогнозах добавляет осознаваемый гражданами России факт сохраняющейся опоры отечественной экономики на сырьевую модель, которая, как известно, развивается чрезмерно циклично и к тому же является недостаточно трудоемкой, заведомо не порождающей высокий спрос на труд. Неслучайно С.А. Власов и Е.Б. Дерюгина связывают высокую сберегательную активность россиян с их недоверием к государству, что объясняется «дефолтом 1998 г. и высокой зависимостью экономики от состояния сырьевых рынков и экономик стран торговых партнеров». В условиях откровенно невысокой социальной защищенности даже далеко не самые обеспеченные социальные слои начинают активно изыскивать способы сбережения хотя бы небольшой части своего текущего дохода на «черный день» [5. С. 107]. Ведь известно, что, в соответствии с концепцией «перманентного дохода» нобелевского лауреата М. Фридмана, текущий уровень потребления домохозяйств зависит не только от их нынешних доходов, но и от ожидаемых доходов в будущем. Поэтому, помимо вынужденной экономии, связанной с неуклонным падением реальных доходов, существует еще и некая «предупредительная» экономия, обусловленная опасением развертывания общеэкономической ситуации в стране в неблагоприятном направлении. Для значительной части жителей прежних и новых российских

регионов уровень неуверенности в будущем резко возрос после событий февраля 2022 г., связанных с началом СВО на Украине. Все эти обстоятельства побуждают домохозяйства к ослаблению текущей потребительской активности, что неотвратимо ухудшает инвестиционный климат из-за закономерного сокращения ожидаемой инвесторами прибыли вследствие массового отказа населения от покупок. Именно в такой социальной среде отчетливо проявляется их тяга к накоплению защитных активов. «Повышенная склонность сберегать, то есть откладывать все большую часть располагаемого дохода, связана, — отмечает Гж. Колодко, — с неопределенными перспективами на будущее, старением населения и изменениями в структуре потребления» [13. С. 7];

2) ярко выраженная избыточная подоходная и поимущественная дифференциация населения, усиление которой сопровождается перераспределением доходов от домохозяйств с низким и средним доходом, для которых характерна невысокая предельная склонность к сбережению, в пользу домохозяйств с высоким уровнем дохода, а также крупным корпорациям, чья склонность к сбережениям оказывается существенно выше [26. С. 137]. В то время как многие бедные оказываются чрезмерно закредитованными и начисто лишены возможностей крупных накоплений (которые отсутствуют сегодня у 47% жителей страны), богатые россияне, не пользуясь кредитами на регулярной основе, отчетливо демонстрируют обладание крупными депозитами: в настоящее время насчитывается около 86 тыс. банковских счетов объемом свыше 20 млн руб. Получая в результате этого солидные дополнительные доходы в виде процента, они фактически кредитуют своих менее обеспеченных сограждан через посредничество банков, что еще более укрепляет и без того действующий в стране механизм чрезмерного подоходного расслоения. Как результат, с одной стороны, часть представителей наиболее социально уязвимой части российского общества вынуждена любой ценой накапливать сбережения из-за стремления погасить свою задолженность перед кредитными учреждениями и создать хотя бы минимальный финансовый резерв на «черный день», а значит, затягивать пояса, формированием денежного запаса всемерно ограничивая собственное потребление, вплоть до элементарных физиологических потребностей. И через сжатие потребительского спроса это воздействует на отечественную экономику не менее негативно, чем траты состоятельных людей в зарубежных путешествиях или при покупке дорогостоящих импортных товаров. С другой стороны, и у богатых россиян тоже появляются чрезмерные (и нередко «вынужденные») сбережения, во многом связанные с ограниченностью суток 24 часами, за которые не так-то просто потратить многомиллионные доходы. Так что сберегательный мотив поведения богачей имеет существенные качественные отличия от мотивов бедняков. «Вследствие нарастания неравномерности распределения дохода среди разных групп населения, — считал В.Т. Рязанов, — появляются избыточные сбережения у небольшой, самой состоятельной группы населения (“золотого процента”), которая не склонна тратить значительные средства на потребительские товары» [22. С. 14]. Ссылаясь на позицию нобелевского лауреата Дж. Стиглица, утверждающего, что несправедливость в распределении способствует повышению сберегательной активности, В. Клинов отмечает: «Российский опыт неравномерного

распределения доходов также сопровождается высокой нормой сбережений, но при неблагоприятном инвестиционном климате наблюдается масштабный отток капитала» [12. С. 140]. При этом низкий уровень внутрироссийских инвестиций как раз и связан с «передозировкой» сбережений и, напротив, острым дефицитом потребления. «Бедные получают слишком мало, чтобы быть активными потребителями, — пишет Б.Г. Ивановский, — а богатые, наоборот, получают слишком много, чтобы приблизиться к среднему уровню потребления» [18. С. 69]. В результате этого сокращается столь нужный инвесторам потребительский спрос, который в значительной степени переводится за пределы нашей страны. «Богатые люди, — резонно замечает В.П. Горегляд, — редко пользуются продуктами отечественного производства, и не случайно достаточно большая утечка капитала связана с тем, что свои нужды они удовлетворяют, в основном, за рубежом» [6. С. 12]. При этом наиболее состоятельные слои российского общества склонны не только приобретать преимущественно импортные товары, но и проводить свой отпуск (с характерными для этого периода масштабными тратами) за рубежом — если, конечно, они не проживают там на постоянной основе. В условиях высокого неравенства, как отмечает П. Капелюшников, богатые сберегают слишком много, и «из-за избытка сбережений у высокодоходных групп совокупный спрос оказывается недостаточным; вследствие этого долговременный рост затухает, и экономика скатывается в “вековую стагнацию”» [9. С. 135];

3) реализуемая фискальными властями неоклассическая концепция бюджетной политики, состоящая в бездумном накоплении финансовых резервов в обстановке неполной занятости ресурсов. Подобные действия правительства выражаются в бюджетном профиците, искусственно создаваемом либерально настроенными финансовыми властями за счет хронического недофинансирования социально-культурной сферы [10. С. 132–139] и раздувании за счет него Фонда национального благосостояния. Как результат, в структуре валовых национальных сбережений увеличивается доля сбережений государства, а сберегательная квота оказывается из-за этого неоправданно высокой для страны со средним уровнем благосостояния населения. Конечно, имеется целый ряд стран с высокими темпами экономического роста или чрезвычайным богатством недр, в которых норма валовых сбережений намного выше российской. Так, в 2023 г. ее наивысший уровень был отмечен в Ирландии (61,2%), Катаре (57,0%), Сингапуре (54,6%), ОАЭ (47,8%), Китае (44,0%). Но и Россия по норме валовых национальных сбережений в 29,8% заметно превосходит уровень таких гораздо более богатых стран, как Норвегия (29,7%), Дания (29,7%), Германия (26,2%), Австрия (26,1%), Япония (24,7%), Франция (21,8%), Италия (21,2%), США (18,2%), Великобритания (16,4%), что указывает на факт наличия в нашей стране значительного макроэкономического перекоса в соотношении сбережений и потребления, препятствующего ее хозяйственному развитию. Многолетняя тяга российского Минфина к накоплению суверенных фондов может служить примером поведения для всех частных субъектов экономической системы, тоже побуждая их к неоправданной экономии, и тем самым обрекает национальную экономику на откровенно вялые среднегодовые темпы роста.

Помимо этих фундаментальных причин, имеется немало менее значительных, которые тем не менее заметно интенсифицируют проявления «парадокса

бережливости». Так, излишние сбережения россиян иногда становятся попросту вынужденными, например в обстановке эпидемии коронавируса и связанных с ней серьезных карантинных ограничений на физическое перемещение людей. Действительно, для пандемийного 2020 г. в России, как и в большинстве других стран, была довольно характерной комбинация сократившихся доходов населения и возросшей нормы личных сбережений. Сегодня же, в условиях интенсификации украинского конфликта, кризисная ситуация в сфере авиационных пассажирских перевозок не может не сказываться негативно на внутреннем туризме, функционировании индустрии отдыха и целом ряде других сфер, предполагающих мобильность населения. Кроме того, если в Западной Европе рабочий день обычно заканчивается в 16 часов, после чего многие люди разбредаются по кафе и магазинам (не говоря уже о странах Южной Европы, Азии, Латинской Америки с сиестой, то есть длительным послеобеденным отдыхом с 13–14 часов), то вхождение России в пятерку самых работающих стран мира в немалой степени препятствует потребительской активности экономически активного населения: свободного времени для покупок зачастую у него уже не остается. Оно, безусловно, имеется у пенсионеров, однако факты старения российского населения и некоторого увеличения ожидаемой продолжительности жизни в до- и постпандемийный периоды сами по себе являются мощными ограничителями потребительского спроса и факторами реализации накопительной стратегии многих российских пожилых семей, в большинстве своем стремящихся оставить наследство своим детям и внукам.

Действие «парадокса бережливости» наглядно проявляется в неуклонном увеличении общего объема вкладов в банковскую систему России до 37,8 трлн руб. в декабре 2022 г. параллельно с повышением среднего размера депозита с 183 тыс. руб. в 2020 г. до 275 тыс. руб. (а в Москве и до 1,04 млн руб.). Спустя всего полгода, в начале июля 2023 г., россияне хранили в коммерческих банках уже 39,3 трлн руб., и это без учета немалых средств на эскроу-счетах, применяемых в интересах безопасности сделок на рынке строящейся недвижимости, а также крупных депозитов в зарубежных банках в размере 73 млрд долл. (6,36 трлн руб.). А поскольку российские банки, в свою очередь, предоставили им примерно 30 трлн руб. кредитных ресурсов, постольку можно смело утверждать, что население нашей страны выступает в роли «чистого кредитора» банковской системы. В этих условиях трудно сегодня согласиться с мнением И. Погосова, утверждавшего в публикации 2011 г., когда отечественная экономика уже начинала буксовать, о необходимости изменения «пропорций между сбережением и конечным потреблением (повышение нормы сбережения) за счет понижения темпов роста конечного потребления» [19. С. 15]. Думается, что вряд ли сокращение оборота розничной торговли в рамках сберегательной модели поведения благоприятствовало тогда (и тем более способствует сегодня) достижению естественного объема ВВП. Однако, ссылаясь на опыт США, где уже в течение длительного периода наблюдается фактическое замораживание реальной заработной платы в интересах жесткой экономии на издержках производства и повышения конкурентоспособности американской экономики, отечественные неолибералы в рамках органично присущей им концепции «экономики предложения» настойчиво предлагают столь же жестко

противодействовать тенденции к росту доходов (и, соответственно, потребления) россиян параллельно со всемерным поощрением их к сбережениям на «черный день». Так, под лозунгом «накопления основного капитала за счет внутренних сбережений», А. Кудрин и О. Сергиенко считали чрезвычайно актуальной задачу восстановления нормы сбережений в России на уровне не ниже 30% ВВП [16. С. 7]. Между тем в условиях сохраняющейся и поныне неполной занятости производственных ресурсов акцент в экономической политике на неуклонном наращивании валовых национальных сбережений принципиально не способен вывести отечественную экономику на траекторию устойчивого экономического роста, безальтернативно связанного с инвестиционным подъемом. И уверенный выход из санкционного кризиса 2022 г. тоже предполагает акцент вовсе не на сбережения, а именно на стимулирование потребления.

Наращивание склонности к сбережению оправдано только в случае, если уровень сбережений в стране явно недостаточен для удовлетворения инвестиционного спроса. Но если валовые национальные сбережения оказываются больше инвестиций, а именно такая макроэкономическая диспропорция сохраняется в России уже много лет подряд, то увеличение склонности к потреблению оказывается куда более значимым фактором подъема ВВП. В. Маневич резонно утверждал, что «рост сбережений не должен опережать рост инвестиций. Если это макроэкономическое условие не выполняется, то снижение доли расходов на потребление и увеличение доли сбережения приведут скорее к торможению, чем к ускорению роста» [17. С. 41]. Поэтому преодоление сохраняющегося и поныне инвестиционного кризиса в нашей стране невозможно без разработки и реализации государственной программы дестимулирования сбережений. Всемерно поощрять необходимо именно потребление россиян, но только не расточительное и не демонстративное потребление российской элиты, которое к тому же сопровождается покупкой дорогостоящих зарубежных товаров и услуг. При этом для повышения доли потребления и соответствующего сокращения доли сбережений в доходе домохозяйств требуется вовсе не сокращение налогов, а, напротив, их увеличение, если речь идет о налогообложении сверхдоходов и дорогостоящего имущества, повышении акцизов на предметы роскоши.

Не секрет, что бурное развитие новых индустриальных стран в свое время лишь на 1/6 было обусловлено наращиванием инвестиционной активности их экономических субъектов, в то время как ведущим компонентом столь впечатляющего хозяйственного прогресса оказался всплеск их потребительского спроса. Тот факт, что в 2000–2012 гг. среднегодовое повышение заработной платы в городах Китая превысило 13%, свидетельствует о стремлении властей этой бурно продвигающейся к глобальному доминированию страны искать главные источники дальнейшего роста ВВП на внутреннем рынке. Конечно, нельзя не согласиться с мнением В. Рязанова, что в перспективе это приведет к снижению нормы инвестиций в ВВП, замедлению экономического роста и экспортной динамики [21. С. 16], во многом за счет повышения затрат на оплату труда в структуре издержек производства. Однако в краткосрочном периоде страны с догоняющим типом развития получают от подобного стимулирования потребительского спроса ощутимую хозяйственную выгоду.

Нежелание и неготовность многих россиян активно расходовать свои текущие доходы на удовлетворение своих материальных и духовных потребностей побуждают фискальные и монетарные власти к выработке мер по нейтрализации угроз, связанных с действием «парадокса бережливости». Если не принимать во внимание их серьезность и не предпринимать активных контрдействий, то регулярного наступления кризисов перепроизводства и всех связанных с ними негативных социально-экономических последствий избежать не удастся. Одним из центральных звеньев формирующегося сегодня механизма дестимулирования сберегательной активности граждан нашей страны выступает торможение роста их реальных доходов, которое закономерно ограничивает норму сбережения, причем в комбинации с хроническим воспроизводством ценоповышательных процессов, вновь и вновь формирующим инфляционные ожидания и поощряющим потребление. В качестве другого звена выступает последовательное давление Банка России и крупнейших коммерческих банков на процентные ставки по депозитам физических лиц, которые регулярно (хотя и не в настоящее время, когда ключевая ставка Банка России поднялась до 18%) оказываются не выше темпов протекающей в стране инфляции. Надо признать, что подобные способы поощрения потребительской активности широко используются и за рубежом. Так, швейцарский банк ABS в 2016 г. ввел некую плату за хранение вкладов – минус 0,125% годовых. Тем самым фактически признается, что для увеличения тяги к потребительским тратам нужно формировать ситуацию, когда получать кредитные ресурсы в банковской системе и немедленно расходовать их на приобретение отечественных товаров и услуг оказывается предпочтительнее наращивания сбережений. Однако результативность подобных действий денежных властей вызывает серьезные сомнения. Кейнсианская теория не устает доказывать, что, чем ниже становится ставка процента по вкладам в условиях невысокой конъюнктуры, тем больше появляется у небогатого населения стимулов решительно отказывать себе в покупках и, соответственно, наращивать свои сбережения для формирования требуемой, например для безбедной старости, суммы для компенсации упущенной выгоды. И действительно, резкое сокращение доходности депозитов в коммерческих банках в 2020 г. вовсе не остановило дальнейшего нарастания вкладов.

Куда более результативным инструментом поощрения покупательской активности является, на наш взгляд, разумно построенная социальная политика государства, которая, в случае формирования ее адекватной российской разновидности, в состоянии успешно противодействовать всем трем указанным выше причинам чрезмерной бережливости. Во-первых, она способна стать центральным звеном механизма укрепления уверенности населения нашей страны в том, что заявленные властями гарантии их социальной защищенности будут неукоснительно обеспечены. Во-вторых, задействование ее многочисленных апробированных мировым опытом инструментов (особенно высокопрогрессивной шкалы личного подоходного налога) в состоянии гарантировать переход от избыточного подоходного расслоения россиян, которое через целый ряд экономических и социально-экономических механизмов серьезно тормозит экономический рост, к расслоению нормальному, этот рост стремительно ускоряющему [11. С. 52–53].

В-третьих, остро необходимое в современной России расширение финансовых основ ее реализации может стать мощным противовесом к дальнейшему накоплению государственных фондов финансовых ресурсов и нейтрализации тем самым вклада Минфина в усиление «парадокса бережливости».

Важнейшим звеном правительственного курса на нейтрализацию «парадокса бережливости» мы признаем соответствующие заявления тех первых лиц страны, которые пользуются доверием у населения (например, о предстоящем наращивании объема финансирования социально-культурной сферы), которые способны укрепить уверенность граждан в завтрашнем дне. Правда, еще в 1970-е годы Р. Барро, опираясь на представления Д. Рикардо, пытался опровергнуть тезис Дж. Кейнса о целесообразности расширения государственных (включая социальные) расходов в обстановке кризиса. Он аргументировал это осознанием экономическими агентами (поскольку в экономике, якобы, «не бывает бесплатных обедов») неотвратимости расплаты в будущем за бюджетные расходы через бюджетный дефицит и, соответственно, повышение налоговой и (или) долговой нагрузки, что побудит их уже сегодня накапливать сбережения для выплат своих предстоящих налогов или правительственных долгов. Однако не секрет, что в условиях неполной занятости производственных ресурсов разумно потраченные дополнительные бюджетные средства за счет быстрого восстановительного роста ВВП и расширения налогооблагаемой базы вполне могут не сопровождаться сколько-нибудь заметным усилением бюджетного неравновесия, которое потребовало бы подобного увеличения сберегательной активности населения.

Судя по структуре расходов казны, российское государство долгие годы находилось довольно далеко от критериев социального, несмотря на декларативные утверждения финансовых властей о безоговорочном выполнении всех взятых ими на себя обязательств (назвать которые завышенными было довольно сложно). Так, если на образование в странах ОЭСР расходовалось в 2015 г. в среднем 12,6%, а на здравоохранение и спорт – 18,7% бюджетных средств, то в России – всего 9,9 и 10,8% соответственно. Гораздо более значимыми для правительства становились расходы на национальную оборону (12,1%), а также на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (7,0% бюджетных расходов). Для сравнения: в странах ОЭСР на эти цели тратится 5,1 и 4,3% соответственно [2. С. 9]. Единственная статья федерального бюджета, по которой в 2017 г. зафиксировано перефинансирование расходов, – на содержание службы исполнения наказаний. Поэтому не поспоришь с М.Г. Делягиным, который заявил о необходимости разделять в те недавние времена реальные и провозглашаемые приоритеты правительства [7. С. 8]. Если первые реализовывались безоговорочно, то вторые зачастую лишь по «остаточному принципу», причем нередко лишь в конце года. Понятно, что в условиях СВО трудно всерьез рассчитывать на сколько-нибудь серьезный прогресс в финансировании социальной политики. И действительно, если доля госрасходов на оборону в федеральном бюджете 2024 г. составит 29,3%, то на социальные нужды будет выделено всего 21,1%, что является минимумом с 2011 г.

Между тем кардинальный выход из ловушки избыточных сбережений и во многом обусловленной ими хронической бедности – укрепление социальных гарантий населению через обеспечение более равномерного доступа всех групп

населения к рентным доходам государственного бюджета от использования огромного ресурсного богатства России. Решение этой ключевой задачи в принципе не может быть достигнуто без решительного отказа (хотя бы после достижения ключевых целей СВО) от дальнейшего расширения Фонда национального благосостояния вплоть до момента достижения отечественной экономикой фазы подъема – при безусловной трате всех поступающих в ближайшее время в бюджетную систему налоговых и неналоговых доходов на реализацию социальных (конечно, в оптимальной пропорции с инвестиционными) целей. Только в случае искоренения курса на приоритетное сбережение значительной части рентных доходов российских сырьевых экспортеров финансовые власти могут всерьез рассчитывать на то, что и другие экономические субъекты тоже последуют их потребительскому, а не накопительному примеру. Так, направление существенно большей доли средств федеральной казны на решительную декоммерциализацию сфер образования, здравоохранения, культуры и спорта позволило бы россиянам гораздо свободнее тратить свои текущие доходы на приобретение одежды, обуви, качественных продуктов питания, жилья. Неслучайно нобелевский лауреат П. Кругман использует «парадокс бережливости» в качестве весомого аргумента в пользу необходимости наращивания государственных расходов в условиях кризиса на социальные цели. Известно, что завершенная в 2020 г. в КНР социальная реформа, сопровождавшаяся формированием системы социального страхования (которая охватывает 1,36 млрд человек) и пенсионной системы (в которую теперь входит 1 млрд человек), через укрепление уверенности в завтрашнем дне расценивается в качестве решающего способа переориентации населения этой крупнейшей страны со сберегательной на потребительскую активность.

Повышение результативности участия социальной политики в деле устранения «парадокса бережливости» достигается через решительную нейтрализацию российскими властями следующих угроз социальной безопасности. Во-первых, крайней несправедливости всей системы подоходного и поимущественного налогообложения физических лиц, в рамках которой основная налоговая нагрузка (как соотношение налоговых отчислений к семейным бюджетам) накладывается на менее состоятельных россиян, выводя по многим направлениям их гораздо более обеспеченных сограждан из-под принятого в мире жесткого фискального пресса. Исходя из этого, решающей предпосылкой устранения избыточной бережливости является заметное сближение доходов наиболее и наименее состоятельных граждан посредством налогов с упором на личный подоходный налог, взимаемый по прогрессивной шкале. В этой связи нельзя не приветствовать решения российских финансовых властей повысить, хотя и сдержанно, максимальную ставку НДФЛ с 15 до 22%. Во-вторых, излишне высокого удельного веса теневого сегмента ВВП, что крайне усложняет достоверное определение размера фактического дохода отечественных домохозяйств с последующим вычленением среди них семей, в наибольшей степени испытывающих потребность в социальной поддержке. В результате этого получателями социальных пособий зачастую становятся вполне финансово благополучные люди, получающие главный свой доход в нелегальном секторе отечественной экономики.

В последние 15 лет, несмотря в том числе на масштабное финансирование оборонных расходов и СВО, российское государство внедряет все новые программы поддержки россиян, многие из которых обретают статус национальных проектов. Как результат, социальные расходы расширенного правительства стабильно росли, и в 2019 г. они составили 18,8% ВВП, достигнув уровня большей части стран Восточной Европы (за исключением Польши) [25. С. 33]. Однако до сих пор в его унаследованной от СССР патерналистской социальной политике причудливым образом сочетаются:

1) запредельный размер разнородных социальных обязательств властей, популистски принятых ими на себя, несмотря на случившуюся кардинальную смену планово-регулируемой модели экономической системы, в которой избыточное огосударствление экономики открывало реальную возможность предоставления широкомасштабных социальных гарантий населению, на регулируемую рыночную модель, где доминирование частной собственности объективно исключает подобное. К тому же многолетнее падение реальных доходов (с небольшими перерывами) в период 2014–2022 гг. серьезно повысило потребность в социальной защите далеко не только безработных, детей, пенсионеров, ветеранов войн, но и немалой части работоспособного населения страны. В этих условиях финансовые возможности правительственных структур уже не позволяют предоставлять гражданам социальные блага вне жесткой зависимости от степени их нуждаемости. Пенсионное обеспечение, социальное обслуживание, услуги образования и здравоохранения поныне заявлены как оказываемые всем гражданам вне зависимости от уровня их дохода в качестве бесплатных социальных благ, хотя до 40% россиян способны активно участвовать в софинансировании их производства;

2) слишком малый объем целевой социальной поддержки, достающейся действительно уязвимым категориям населения (одиноким неработающим пенсионерам, студентам из необеспеченных семей, не располагающим значительными активами инвалидам, многодетным семьям, жителям депрессивных территорий), который резко ограничивает их покупательную способность и усиливает действие «парадокса бережливости». Как отмечают Э.А. Попова и Ю.С. Сизова, «социальная поддержка чаще всего оказывается не нуждающимся людям, а тем, кто имеет заслуги перед государством», в основном в виде социальных пакетов государственным служащим и военным [20. С. 67]. В результате, 20%-ной беднейшей части населения достается явно недостаточная часть «социального пирога», в то время как в мировой практике реализации перераспределительной политики принято отдавать четкий приоритет поддержке именно первого, наименее обеспеченного (и лишь в некоторой степени второго) квинтиля распределения доходов. В связи с этим А.Е. Городецкий констатирует постоянное углубление в нашей стране конфликта между конституционным определением государства как социального и проведением в течение 25–30 лет курса реформ, который подрывает положение госсектора, малого и среднего бизнеса, социальные права граждан [8. С. 111–112]. Между тем в обстановке недостаточного по критериям социальной безопасности бюджетного финансирования социальной инфраструктуры, все большего превращения качественного здравоохранения и образования в кастовые сферы, возможности многих россиян в плане формирования своего

человеческого капитала неуклонно снижаются. Российские финансовые власти настойчиво поддерживают иллюзию, что именно бюджетные доходы от экспорта нефти и газа, другого минерального сырья финансово подкрепляют сегодня социальную политику. Между тем, по оценке Н. Акиндиновой, Я. Кузьмина и Е. Ясина, «нефтегазовые поступления примерно на 50% обеспечивают финансирование расходов на силовые структуры, в то время как почти 90% расходов на образование и здравоохранение финансируется за счет налогов, уплачиваемых гражданами и предприятиями в региональные бюджеты и внебюджетные фонды» [3. С. 13].

Как известно, оценка эффективности социальной защиты населения в современном мире проводится путем сравнения степени его подоходного расслоения до и после реализации комплекса государственных мер по трансфертной поддержке наименее обеспеченных граждан в комбинации с налоговыми преобразованиями по четким социальным критериям. И если после принятия соответствующих перераспределительных мер кривая Лоренца в той или иной стране становится заметно менее выпуклой, а коэффициент Джини серьезно снижается, то можно говорить о результативности социальной политики ее правительства. И наоборот, в случае сохранения избыточного расслоения граждан даже после реализации спектра трансфертных программ и налоговых реформаций (и тем более его нарастания) резонно утверждать, что подсистема социальной помощи населению функционирует неэффективно. С этих позиций несложно заметить, что реализуемая и в современной России модель государственной социальной политики явно не блещет эффективностью, провоцируя неуклонное воспроизводство «парадокса бережливости». Действительно, крайне сложно назвать социально ориентированную отечественную разновидность налоговой политики в условиях, когда и бедняки, и олигархи выплачивают подоходный налог по сходной ставке (13 и 15% – крайне небольшая разница), когда основное бремя косвенного налога на добавленную стоимость несут низкодоходные категории россиян, вынужденные отдавать государству за свои покупки несравненно большую долю семейного дохода.

И все же главной причиной столь очевидного несовершенства социального регулирования, «слепого перераспределения» доходов выступает преобладание в нем опять-таки не адресного подхода, ориентирующего направление ограниченных ресурсов социальной поддержки людям, оказавшимся за чертой бедности, несколько сократившаяся численность которых в третьем квартале 2023 г. все равно достигает 14,8 млн человек, а подхода категориального, направленного на оказание помощи целым категориям граждан – одиноким матерям, инвалидам, одиноко проживающим пенсионерам, ветеранам и т.п., многие из которых по ряду причин (накопленное имущество, семейное положение, наличие доплат за правительственные награды и др.) по определению не могут быть причислены к малообеспеченным. Много шума в свое время наделало в Великобритании требование «железной леди» М. Тэтчер (негативно отразившееся, в конце концов, на ее электоральных шансах) отменить выдачу бесплатного стакана молока школьникам из состоятельных семей. Между тем это предложение следует признать вполне вписывающимся в принципы реализации социальной политики, нацеленной

на противодействие «парадоксу бережливости» — в отличие от нынешнего решения российских властей бесплатно кормить всех обучающихся в начальной школе, независимо от материального благосостояния их родителей. Введение материнского капитала уже на первого ребенка для всех, даже наиболее обеспеченных семей означает с экономической точки зрения бездумное разбазаривание всегда ограниченных ресурсов социального развития, поскольку в подавляющем большинстве случаев он родился бы и без задействования всяких материальных стимулов. «Создается впечатление, — отмечает Э.Н. Соболев, — что государство распределяет аккумулированные им средства регрессивным образом, т.е. большая часть достается не самым бедным, а состоятельным и средним слоям» [24. С. 23]. И это несмотря на принятие Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации», одним из компонентов которого было требование перехода к адресной модели социальной политики, предполагающей дифференциацию выполнения государством своих социальных функций в отношении различных слоев населения; на требование Президента РФ В.В. Путина, который в своем послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. указывал на необходимость перестройки отечественной системы социальной помощи на принципах справедливости и адресности.

Конечно, оптимизация соотношения между категориальной и адресной системами социальной поддержки россиян — довольно дорогостоящая административная процедура, затраты на проведение которой связаны с немалыми трудностями контроля нуждаемости. Во многом именно с этим мы склонны связывать тот факт, что в течение целого десятилетия результативность системы социальной защиты в России сохранялась на стабильно невысоком уровне. Одним из наиболее значимых проявлений низкой эффективности российской социальной политики выступает превышение показателем бедности детей до 16 лет среднего уровня бедности по стране. Дети моложе 16 лет составляют сегодня 40% малоимущих россиян, в то время как лишь 6,5% российских бедняков составляют люди в возрасте старше трудоспособного [15. С. 60]. Такой структурный перекос свидетельствует об отсутствии у нас сколько-нибудь зрелых бюджетных механизмов перераспределения доходов от старшего и среднего поколений в сторону поколения младшего, что препятствует усвоению последним материальных и духовных ценностей цивилизации, а потому лишает Россию в долгосрочной перспективе видимых перспектив сохранения в когорте государств с достаточно развитым человеческим потенциалом и, соответственно, высокими темпами экономического роста. Сколько же нужно не блещущей благосостоянием семье, имеющей 2–3 детей, выкраивать из располагаемого ею дохода на вынужденные сбережения, чтобы, поневоле отрывая средства от покупки продовольствия, скопить минимально необходимые средства на приобретение всем им одежды, обуви, школьных принадлежностей, посещение врачей, приобретение лекарств, особенно при одновременной выплате ипотечного кредита и отсутствии масштабной материальной поддержки со стороны одного-двух старших поколений? Думается, что при подобном подходе государства к социальной защите подрастающего поколения «парадокс бережливости» неизбежно интенсифицируется, поскольку ему просто не будет реальной альтернативы. Столь же

малой является помощь малоимущему населению, проживающему в поселениях с численностью от 200 до 5000 человек, а это сегодня 51,4% бедных россиян [15. С. 60]. Между тем трудно ожидать взрывного роста покупательной способности даже от равномерной раздачи трансфертов всем россиянам, независимо от доходов, возраста, пола, региона их проживания, не говоря уже о дискриминации наиболее социально уязвимых среди них. Государственная поддержка должна быть заведомо селективной, избирательной, с учетом известных алгоритмов запуска мультипликативного эффекта. Вместо равномерных выплат на всех детей следовало бы расширить социальную помощь тем из них, кто близок к официально установленной черте бедности (или уже находится за ней), особенно детям из неполных семей, инвалидам детства, сиротам. Взамен льготной, взвинчивающей цены на жилье ипотеки для всех желающих целесообразно дешево предоставлять ее исключительно тем домохозяйствам, которые еще не обзавелись ни одной из собственных квартир. Поэтому крайне важно ограниченные в условиях преодоления санкционного кризиса 2022 г. финансовые ресурсы направлять на поддержку наименее социально защищенных россиян. Только в этом случае социальная политика российского государства превратится в результативное средство нейтрализации антипроизводственного «парадокса бережливости».

Литература

1. *Аврамова Е. М., Титов В. Н.* Социальное развитие современной России: тенденции, риски, перспективы // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 76–89.
2. *Акиндинова Н. В., Чернявский А. В., Чепель А. А.* Межстрановой анализ структуры и эффективности бюджетных расходов // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 5–27.
3. *Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е.* Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 4–17.
4. *Букина И. С., Маневич В. Е.* Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 38 с.
5. *Власов С. А., Дерюгина Е. Б.* Фискальные мультипликаторы в России // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 104–119.
6. Главное – эффективность бюджетных расходов // Финансы. 2011. № 5. С. 3–15.
7. *Делягин М. Г.* Деструктивный либералистский дискурс бюджетной трехлетки 2018–2020 // Российский экономический журнал. 2018. № 2. С. 3–15.
8. Итоги трансформации, или Какой капитализм мы построили. М.: Институт экономики РАН. 2017. 296 с.
9. *Капелюшников Р.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
10. *Капканщиков С. Г.* Бюджетный профицит в современной России как индикатор непрофессионализма финансовых властей // Симбирский научный вестник. 2013. № 1. С. 132–139.
11. *Капканщиков С. Г.* Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 37–62.
12. *Клинов В.* Актуальные проблемы экономической политики США // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 129–143.
13. *Колодко Гж.* «Дефицитофляция» 3.0: экономика военного времени – государственный социализм – кризис на фоне пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 5–26.
14. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! М.: Азбука Бизнес, 2013. 320 с.
15. *Кубишин Е. С., Седлов А. П., Соболева И. В.* Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник ИЭ РАН. 2021. № 1. С. 56–70.
16. *Кудрин А., Сергиенко О.* Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 4–19.

17. Маневич В. Долговременные макроэкономические процессы и условия роста российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 40–63.
18. Неравенство в современном мире: экономический и социальный аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2017. 142 с.
19. Погосов И. Потенциал накопления и проблема модернизации // Экономист. 2011. № 3. С. 3–15.
20. Попова Э.А., Сизова Ю.С. К вопросу о некоторых проблемах реализации социальной политики в России // Colloquium-journal. 2019. № 7. С. 64–70.
21. Рязанов В. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8. С. 3–32.
22. Рязанов В.Т. Кейнсианская экономическая теория и политики: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–34.
23. Семенюта О.Г., Мазняк Т.В. Адаптационный потенциал российской экономики в условиях «парадокса сбережений» // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 146–154.
24. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: Научный доклад. М., Институт экономики РАН, 2017. 50 с.
25. Социальная политика в России: проблемы и решения: научный доклад/ Под ред. А.А. Широа. М.: Артис Принт, 2021. 111 с.
26. Стародубцева Е.Б. Сбережения и инвестиции в современном мире // Вестник университета. 2017. № 5. С. 137–141.

Sergey Kapkanschchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head of the Department of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Sevastopol branch
(Sevastopol, Russian Federation)

THE EFFECT OF THE PARADOX OF THRIFT ON MODERN RUSSIA AND THE WAYS OF COUNTERING IT WITH SOCIAL FISCAL INSTRUMENTS

The article explains the essence of the *paradox of thrift* and the reasons why it currently manifests itself in Russia and in a number of other countries, with an emphasis on the excessive income differentiation and insufficiency of social guarantees to the population, together with the policy of financial authorities aiming at the value increase of the sovereign funds while unemployment is still high. The Classical relationship between savings, investment, and GDP growth is contrasted with the Keynesian one – consumption – GDP growth – investment – while proving the much greater applicability of the latter to the assessment of current situation in Russia. The evolution of the share of savings in the Russian national product over the past three decades is presented, indicating the factors that determine it. Based on that, the author substantiates the need for dynamic optimization of the relationship between consumption and savings to accelerate the growth of Russian economy. To neutralize the *paradox of thrift*, the author suggests the ways of increasing the effectiveness of state social policy through a transition from the categorical principle of its formation to the principle of targeting and prioritization.

Keywords: consumption, savings, gross accumulation, gross national savings, paradox of thrift, state social policy.

DOI: 10.31857/S0207367624060022, **EDN:** bxjild